

ШЕВЧЕНКО и СЫРОКОМЛЯ.

Т. Г. Шевченко, воспоминанія Н. И. Костомарова, „Русская Старина“ 1880.— Письма Шевченка въ Воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ, Спб. 1879.— Избранныя стихотворенія Л. Кондратовича (Сырокомли). М. 1879.— Nowe studium nad Syrokomla, napisal Włodzimierz Spasowicz, «Ateneum» 1876, I.— Кобзарь Шевченко, изд. Гербеля, Спб. 1876.— Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Біографическій очеркъ В. П. Маслова. Изданіе народнаго журнала „Грамотѣй“. М. 1874.— Кобзарь, Т. Г. Шевченка, въ переводѣ Чмырева. М. 1874.— Taras Grigoriewicz Schewczenko, ein kleinrussischer Dichter, dessen Lebensskizze sammt Anhang, bestehend aus Proben seiner Poesien in freier Nachdichtung, v. G. Obrist. Czernowitz. 1870.— Ukraina. Il movimento letterario ruteno in Russia e Gallizia. Firenze. 1873.

Шевченко въ послѣднее время начинаетъ обращать на себя вниманіе и въ Европѣ. Обристъ въ своей нѣмецкой брошюркѣ познакомилъ европейцевъ съ жизнью поэта и далъ нѣкоторое понятіе объ его произведеніяхъ своими переводами, довольно, впрочемъ, плохими. Итальянской брошюрки, заглавіе которой написано выше, мы не читали, но, по отзыву одного французскаго критика, о Шевченкѣ въ ней говорится очень мало, а онъ, по мнѣнію этого рецензента, «заслуживалъ-бы цѣлаго тома для европейской публики». На основаніи извѣстныхъ въ Европѣ скудныхъ данныхъ, Шерръ въ послѣднемъ изданіи своей «Всеобщей исторіи литературы» отмѣтилъ только: «рожденный крестьяниномъ, малоруссъ Шевченко умѣлъ въ трогательно-грустныхъ звукахъ говорить объ участи бѣдныхъ и притѣсненныхъ». Въ дѣйствительности, какъ увидимъ ниже, Шевченко не былъ столь одностороненъ, но отзывъ Шерра объясняется просто тѣмъ, что европейцу не откуда получить полнаго понятія о нашемъ поэтѣ.

Да и что говорить о томъ, что какіе-нибудь нѣмцы не имѣютъ возможности познакомиться съ этимъ талантомъ, когда даже мы, русскіе, такъ мало знаемъ его! Многія его произведенія до сихъ поръ не изданы, одна изъ лучшихъ поэмъ его, «Гуссъ», потеряна, изъ дневника напечатаны только выдержки. Что-же касается переводовъ его на великорусскій языкъ, то, за исключеніемъ нѣсколькихъ пьесокъ, переведенныхъ покойными Меемъ и Михайловымъ, всѣ остальные переводы не могутъ быть признаны удачными, въ особенности-же переводъ г. Чмырева, къ которому въ своей статьѣ мы обратимся только въ крайности такъ-какъ приходится предпочитать ему даже переводы г. Гербеля.

Что-же касается иностранцевъ, то мы не въ правѣ винить ихъ и за то, что знающіе изъ нихъ по-русски (а такихъ съ каждымъ годомъ становится все больше и больше) не знакомятъ съ Шевченко въ Европу: Шевченко умеръ еще очень не давно, а русскій языкъ только въ послѣднее время началъ дѣлаться предметомъ изученія за границей. Мы не можемъ винить европейцевъ и въ томъ случаѣ, если они, познакомившись съ Кольцовымъ, Шевченко, Ломоносовымъ и другими нашими самородками, не будутъ предаваться такимъ восторгамъ, какимъ такъ часто предаются у насъ по поводу этихъ талантливыхъ людей, пробившихся силою своего генія изъ низшихъ слоевъ народа и тѣмъ будто-бы доказавшихъ необыкновенную даровитость русской натуры. Такіе самородки были и есть не у насъ однихъ,—они появляются изрѣдка почти у всѣхъ народовъ, и, заговоривъ о Шевченкѣ, мы невольно вспоминаемъ славное имя шотландскаго земледѣльца Роберта Борнса.

Какъ ни велики различія между Шотландіей и Малороссіей, но въ судьбахъ этихъ странъ и въ характерѣ ихъ народовъ есть нѣкоторыя общія черты. И та, и другая страна давно уже прекратили свое самостоятельное существованіе и слились съ родственными имъ сильными государствами, сохраняя, однакожь, народныя обычаи, свой языкъ, живую память о славіи и подвигахъ своихъ воинственныхъ предковъ и богатый запасъ произведеній народной поэзіи. Новѣйшая европейская цивилизація коснулась ихъ поздно и меньше, чѣмъ тѣхъ государствъ, въ составъ которыхъ вошли онѣ. Но въ Шотландіи и до Борнса были замѣчательные писатели, между тѣмъ какъ малороссійская литература долго была ничтожною, совершенно чуждою народной жизни, и только не задолго до появленія Шевченки начала освобождаться изъ оковъ семинарской схоластики. Шотландія еще въ XVIII вѣкѣ была уже болѣе развитой страной, чѣмъ

Малороссія въ XIX, и это различіе отразилось въ судьбѣ обоихъ поэтовъ, хотя въ сущности тому и другому выпала одинаковая доля.

Борнсъ (род. 1759 г.) былъ сынъ бѣднаго шотландскаго фермера и получилъ обыкновенное въ земледѣльческомъ классѣ воспитаніе; но бѣдный шотландскій фермеръ былъ уже въ то время настолько зажиточенъ и развитъ, что отецъ Борнса употреблялъ всѣ средства, чтобы дать своему сыну образованіе, и способный мальчикъ выучился по-англійски, по-французски, узналъ грамматику и арифметику, прочиталъ Попа, Рамзая, журналъ «Зритель», потомъ Томсона, Стерна и Мэкензи. Отецъ намѣревался дать ему и школьное, систематическое образованіе, но дѣла его до-того разстроились, что бѣдность заставила бросить всякую мысль о школѣ. Робертъ долженъ былъ работать какъ волъ, помогая своимъ родителямъ, но онъ пользовался каждой минутой отдыха, чтобы пополнять свои знанія изъ попадавшихся ему изрѣдка книжекъ да изъ разсказовъ бывалыхъ людей. Народныя легенды, повѣрья, преданія и пѣсни о древнихъ герояхъ Шотландіи и ея быломъ величій воспитывали въ Борнсѣ самую теплую любовь къ родинѣ, къ окружавшимъ его простымъ земледѣльцамъ, къ той природѣ, среди которой онъ жилъ и работалъ. Борнсъ несъ одинъ крестъ съ большинствомъ своихъ земляковъ, и рано проявилось въ немъ отвращеніе къ несправедливости и притѣсненію, рано развились въ немъ симпатическія чувства не только къ людямъ, но даже къ животнымъ и растеніямъ. Любовь внушила ему первыя пѣсни, которыя онъ складывалъ, ходя за своимъ плугомъ, и эти пѣсни скоро сдѣлали его популярнымъ въ околотѣ. Но какъ ни любилъ онъ своихъ родныхъ и окружавшихъ его поселянъ, жизнь, полная лишеній, сопряженныхъ съ бѣдностью, жизнь, обреченная на неизвѣстность и невѣжество, не могла удовлетворять юношу, который жаждалъ знаній, стремился къ чему-то великому, мечталъ о какой-то славѣ. Не находя выхода на тотъ путь, который манилъ его, Борнсъ сдѣлался отчаяннымъ кутилой и составилъ себѣ самую дурную репутацію среди благочестивыхъ сосѣдей, съ ужасомъ смотрѣвшихъ на его загулы. Въ 1781 году онъ арендовалъ землю, но оборвался на этомъ предпріятіи и рѣшился переселиться на Ямайку, нанявшись туда въ смотрители одной плантаціи. Чтобы достать денегъ на переѣздъ, онъ въ 1786 году издалъ въ Килмарногѣ небольшой сборникъ своихъ стихотвореній, встрѣченный публикой съ восторгомъ. Въмѣсто Ямайки Борнсъ отправился въ Эдинбургъ, гдѣ окончательно рѣшилъ свое призваніе и упрочилъ свою славу.

Въ томъ-же родѣ была и молодость литовскаго народнаго поэта Кондратовича, извѣстнаго болѣе подѣ его гербовымъ прозваніемъ Сырокомли. Сынъ очень бѣднаго шляхтича, Кондратовичъ родился въ Минскѣ въ 1823 году. Десяти лѣтъ отецъ отдалъ его въ скромную школу доминиканцевъ въ Несвижѣ. Религіозное вліяніе монаховъ запечатлѣлось въ душѣ его на всю жизнь, и хотя потомъ онъ нерѣдко сталкивался съ скептиками, даже съ чистыми матеріалистами, но всегда оставался вѣрующимъ, безъ малѣйшаго, однакожь, изуверства, нетерпимости и ханжества. Онъ всегда оставался человѣкомъ свободомыслящимъ, чуждымъ предрасудковъ и суевѣрій, которыми такъ глубоко была заражена окружающая его среда... Отъ доминиканцевъ Кондратовичъ перешелъ въ новогрудское училище, а потомъ отецъ опредѣлилъ его, 19 лѣтъ отъ роду, писцемъ въ имѣніе Радзивиловъ. Поэтъ писалъ уже массы стиховъ и не замедилъ влюбиться въ бѣдную дѣвушку, на которой и женился. Отецъ отдалъ ему свое имѣньишко, Залучу на Нѣманѣ, и здѣсь въ бѣдномъ домишкѣ Кондратовичъ зажилъ съ женой, изучая поэтовъ и лѣтописцевъ, вырабатывая тѣ идеи, которыя руководили имъ во всю его жизнь. «Кондратовичъ, говоритъ Спасовичъ,—задался цѣлью сдѣлаться не столько національнымъ, сколько народнымъ поэтомъ, и, оставляя въ сторонѣ салоны, быть любимцемъ людей простыхъ». Онъ жилъ среди народа, съ дѣтства зналъ и любилъ его; вся обстановка его была проста и бѣдна, семейная жизнь не улыбалась, заботы о кускѣ хлѣба лишали его душевнаго спокойствія. Словомъ, это былъ своего рода Борнсъ и Шевченко, «Кобзара» котораго Сырокомля перевелъ на польскій языкъ. Вдобавокъ ко всему Кондратовичъ пилъ, какъ и Борнсъ.

Судьба малорусскаго поэта была въ сущности такая-же, но на долю Шевченка выпало несравненно болѣе страданій и потребовалось несравненно болѣе времени и силъ, чтобы выбиться изъ своего подавляющаго положенія.

Шевченко родился въ февралѣ 1814 г., въ звенигородскомъ уѣздѣ кievской губерніи, отъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщика Энгельгардта. Первые годы онъ хотя и провелъ въ обычной крестьянской бѣдности, но за то на свободѣ, шая съ другими дѣтьми, бѣгая по полямъ и лакомясь землей, которую онъ любилъ ѣсть и часто объѣдался. Рано въ этомъ шалунѣ развилась любовь къ природѣ, любознательность и предприимчивость. Когда Тарасу было лѣтъ шесть, ему однажды захотѣлось узнать, что скрывается за горами и лѣсами, которые онъ видѣлъ на краю горизонта, гдѣ они сходились съ небомъ. Тарасъ сообразилъ, что

въ этомъ мѣстѣ края неба подперты желѣзными столбами, и рѣшился осмотрѣть ихъ, чтобы потомъ разсказать объ этихъ чудныхъ штукахъ своей любимой сестрѣ Иринѣ. Онъ отправился къ первому холму, который казался ему упирающимся въ небо, но каково-же было удивленіе его, когда, взойдя на холмъ, онъ увидѣлъ, что небо сходится съ землей не тутъ, а нѣсколь-ко дальше, за ближнимъ селомъ. Тарасъ хотѣлъ продолжать свою экспедицію, но такъ-какъ уже былъ поздній вечеръ, то онъ отложилъ ее до другого дня. Назавтра онъ отправился, и неизвѣстно, гдѣ окончилось-бы его путешествіе, еслибы встрѣтившіеся чумаки не разспросили ребенка, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Они привезли его домой. Вскорѣ послѣ этого походе-нія умерла мать Тараса, а отецъ, для поддержанія хозяйства и для присмотра за своими пятью дѣтьми, женился во второй разъ. Мачиха имѣла своихъ дѣтей, которыхъ, естественно, пред-почитала пасынгамъ, и семья раздѣлилась на два враждебные лагеря. «Не проходило часа, говорить Шевченко,— безъ слезъ и драки между нами, дѣтьми; не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой». Больше всѣхъ доставалось отъ мачихи буйному Тарасу за его упрямство, задорный харак-теръ и постоянныя ссоры съ дѣтьми мачихи. Однажды одинъ изъ этихъ сводныхъ братьевъ Тараса укралъ у солдата, квар-тировавшаго въ ихъ домѣ, три золотыхъ. Мачиха, ненавидѣв-шая Тараса, заподозрѣла въ кражѣ его; Тарасъ божился, что не виноватъ, но мачиха не вѣрила; связавъ веревкою его руки и ноги, она стала сѣчь его, чтобы вынудить признаніе; отъ невыносимой боли ребенокъ принялъ воровство на себя, но когда его заставили указать, гдѣ спрятаны украденныя деньги, и онъ не могъ этого сдѣлать, то мачиха начала снова истязать Тараса и бросила его только тогда, когда онъ былъ уже почти безъ чувствъ. Это обстоятельство, съ одной стороны, оконча-тельно вооружило Тараса противъ мачихи и дѣтей ея, а съ дру-гой—положило въ немъ начало того отвращенія ко всякой не-справедливости, какимъ онъ отличался во всю свою жизнь. Нѣж-ная душа мальчика перерабатывала по-своему даже такія впе-чатлѣнія, которыя, повидимому, должны были ожесточать ее. Подобно Борнсу, Шевченко еще въ раннемъ дѣтствѣ познако-мился съ преданіями и легендами о дѣлахъ воинственныхъ пред-ковъ, о томъ, какъ они страдали отъ турокъ, ляховъ и жидовъ, какъ жестоко мстили послѣднимъ и т. д. Его дѣдъ былъ участ-никомъ гайдамачины, но его живые разсказы о старинѣ, пол-ные естественной враждебности къ польскимъ притѣснителямъ, возбуждали въ душѣ Тараса не одну только ненависть къ при-

тѣшенію, но чувство глубокаго сожалѣнія къ какимъ-бы то ни было жертвамъ насилія, о чемъ онъ въ послѣдствіи вспоминалъ въ своемъ эпилогѣ къ «Гайдамакамъ».

«Бывало, въ субботу, закрывши «Миней»
И выпивъ по чаркѣ родной романи,
Отецъ просить дѣда, чтобъ тотъ разсказалъ,
Какъ въ Умани встарь гайдамаки гуляли,
Какъ Гонта проклятыхъ поляковъ каралъ.
Столѣтнія очи, какъ звѣзды, сіяли
И лился, смѣялся ужасный разсказъ,
Какъ гибли поляки, какъ села горѣли.
Сосѣди, бывало, отъ страха нѣмѣли,
И мнѣ, бѣдняку, доводилось не разъ
Оплакивать ктиторъ злую судьбину.
Но, слушая дѣда, никто не видалъ,
Какъ малый ребенокъ за печкой рыдалъ».

Желая удалить изъ дома задорнаго Тараса, бывшаго причиною частыхъ семейныхъ ссоръ, отецъ отдалъ его «въ науку» къ мѣщанину Губскому, у котораго Шевченко скоро выучился грамотѣ. Но у этого учителя, какъ и дома, Тарасъ былъ чрезвычайно шаловливъ и своеволенъ, вслѣдствіе чего то-и-дѣло подвергался наказаніямъ, отъ которыхъ онъ, впрочемъ, нерѣдко спасался, убѣгая домой. Отецъ Тараса не очень-то преслѣдовалъ его строгостями, такъ-какъ предугадывалъ въ своемъ сынѣ что-то необыкновенное. Умирая (въ 1825 г.), онъ сказалъ: «сыну моему Тарасу изъ моего хозяйства ничего не нужно; онъ не будетъ кое-какимъ человѣкомъ: изъ него выйдетъ или что-нибудь очень хорошее, или ужасная дрянь, и для моего наслѣдства или ничего не будетъ значить, или-же пойдетъ не въ прокъ». «Лишившись отца, разсказываетъ Шевченко въ своей автобіографіи, — пріютился я въ школѣ у приходскаго дьячка, въ видѣ школяра-попихача. Эти школяры въ отношеніи къ дьячкамъ то-же самое, что мальчики, отданные родителями или иною властью на выучку къ ремесленникамъ. Права надъ ними мастера не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ границъ: они полныя рабы его. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Предоставляю вашему воображенію представить, чего могъ требовать отъ меня дьячекъ — замѣтьте, горькій пьяница,—и что я долженъ былъ исполнять съ рабскою покорностью, не имѣя ни единаго существа въ мірѣ, которое заботилось-бы или могло позаботиться о моемъ положеніи. Какъ-бы то ни было, только втеченіи двухлѣтней тяжкой жизни въ такъ-

называемой школѣ прошелъ я граматикѣ, часословецъ и, наконецъ, псалтырь. Подъ конецъ моего школьнаго курса дьячекъ посылалъ меня читать, вмѣсто себя, псалтырь по усопшимъ крѣпостнымъ душамъ и благоволилъ платить мнѣ за это десятую копейку въ видѣ поощренія. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежняго любимому своему занятію, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Іоною Лимаремъ, такъ что по возвращеніи отъ молитвословнаго подвига я почти всегда находилъ ихъ обоихъ мертвецки пьяными. Дьячекъ мой обходился жестоко не со мною однимъ, а и съ другими, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли. Безтолговая его придирчивость сдѣлала насъ въ отношеніи къ нему лукавыми и мстительными. Мы надували его при всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлали ему всевозможныя пакости». Нерѣдко Шевченко убѣгалъ отъ дьячка и по нѣскольку дней считался по разнымъ пустырямъ или жилъ въ саду сосѣдняго крестьянина, куда сестры потихоньку носили ему ѣсть. Въ этомъ-же саду начались первые опыты рисованія будущаго художника и проявились склонности поэта. Впослѣдствіи онъ такъ вспоминалъ въ своихъ стихахъ это время:

«Бывало, стащу потихоньку пятакъ у своего учителя, куплю на него бумаги, сошью тетрадку, обведу каждый листъ крестами и гирляндами цвѣтовъ, нарисую въ ней Сквороду или «три царіе со дары» и, забившись гдѣ-нибудь въ бурьянъ, чтобы никто не видѣлъ, пою себѣ да плачу». Но за эти поэтическіе побѣги мальчику больно доставалось отъ дьячка, и терпѣніе Шевченка не долго выдержало его мучительства. «Этотъ первый деспотъ, говоритъ онъ,—на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ. Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ ищадиемъ деспотическихъ семинарій миліонъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди—мestью и бѣгствомъ. Найдя его, однажды, безчувственно пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе—розги, и, насколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости. Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы-дьячка драгоценнѣйшею вещью казалась мнѣ какая-то книжечка съ *кунштитами*, т. е. гравированными картинками, вѣроятно, самой плохой работы. Я не счелъ грѣхомъ или не устоялъ противъ искушенія похитить эту драгоценность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лысянку. Тамъ я нашелъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-дьякона, который, какъ я скоро убѣдился, очень мало

отличался своими правилами и обычаями от моего первого наставника. Три дня я терпѣливо таскалъ на гору воду изъ рѣчки Тигака и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку. На четвертый день терпѣніе мнѣ измѣнило и я бѣжалъ въ село Тарасовку, къ дьячку-маляру, славившемуся въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана-Воина. Къ сему-то Апелесу обратился я съ твердою рѣшимостью перенести всѣ испытанія, неразлучныя, какъ думалъ я тогда, со всякою наукою. Усвоить себѣ его великое искусство хотъ въ самой малой степени желалъ я страстно. Но увы! Апелесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ наотрѣзъ. Онъ объявилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шевству* или *бондарству*. Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хотъ посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. У меня была въ виду скромная участь, которой мое воображеніе придавало какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, «пастыремъ стадъ непорочныхъ», съ тѣмъ, чтобы, ходя за громадскою *ватагою*, читать свою любезную, краденую книжку съ кунштниками». И Шевченко сдѣлался пастухомъ. Мальчикъ, столько лѣтъ страдавшій отъ всевозможныхъ притѣсненій, успокоился около «стадъ непорочныхъ», и жизнь въ полѣ сначала показалась ему трогательною, поэтической идилліей. Но такое восторженное благодушіе продолжалось не долго. Нищій сирота сознавалъ свое безотрадное положеніе, и въ одну изъ горькихъ минутъ его пастушеской жизни онъ въ первый разъ послѣ смерти отца и матери встрѣтилъ человѣка, который приласкалъ его.

Поглянувъ я на ягнята—
 Не мои ягнята,
 Обернувся я на хаты—
 Не ма в мене хаты;
 Не давъ мени Богъ ничего—
 И хлинули слези,
 Тяжки слези...

А дивчина

При самій дорози
 Недалеко коло мене
 Плосконь выбирала,
 Тай почувла, що я плачу,
 Прійшла, привитала,
 Утирала мои слези
 И поцілувала...

Неначе сонце засіяло,
Мое ланы! гай! сады!..
Ими жартуючи, погнали
Чужи ягняты до воды...

И доси якъ згадаю,
То сердце плаче, то болитъ:
Чому Господь не давъ дожить
Малого вику у тимъ раю—
Умеръ-бы орючи на ниви,
Ничого-бъ на свиту не знавъ,
Не бувъ-бы въ свити юродивимъ,
Людей-бы я не проклинавъ...

Идилія скоро была разсѣяна. Помѣщику понадобился раторопный мальчикъ: ему указали на Тараса, и Тарасъ изъ пастуха преобразился въ комнатнаго *казачка*. «Изобрѣтеніе комнатныхъ казачковъ, говоритъ Шевченко, — принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украйны, полякамъ; помѣщики иныхъ національностей перенимали у нихъ казачковъ, какъ выдумку неоспоримо умную. Въ краю нѣкогда казацкомъ сдѣлать казака ручнымъ — это то-же самое, что въ Лапландіи покорить производу человѣка быстроногаго оленя. Польскіе помѣщики того времени содержали казачковъ, кромѣ лакейства, еще въ качествѣ музыкантовъ и танцоровъ. Казачки играли для панской потѣхи веселія, двусмысленныя пѣсенки, сочиненныя народною музою съ горя подъ пьяную руку, и пускались передъ ними, какъ говорятъ поляки, *сюды-туды — навтрисюды*. Новѣйшіе представители вельможной шляхты, съ чувствомъ просвѣщенной гордости, называютъ это покровительствомъ украинской народности, которымъ-де всегда отличались ихъ предки. Мой помѣщикъ, въ качествѣ русскаго нѣмца, смотрѣлъ на казачка болѣе практическимъ взглядомъ и, покровительствуя моею народности на свой манеръ, вмѣнилъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать тутъ-же стоящую подлѣ него трубку или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ прoderзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ гайдамацкія пѣсни и срисовывая украдкою картины суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашемъ, который — признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти — укралъ у конторщика. Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно бѣдиль то въ Кіевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ и таскалъ за собой въ обозѣ меня для сидѣнья въ передней, пода-

ванья трубки и тому подобных надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился своимъ тогдашнимъ положеніемъ; оно только теперь приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ... Странствуя съ своимъ баринкомъ съ одного постоялаго двора на другой, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны дубочную картинку, и составилъ себѣ драгоценную коллекцію. Особенными моими любимцами были историческіе герои, какъ-то: Соловей-Разбойникъ, Кульневъ, Кутузовъ, казакъ Платовъ и др. Впрочемъ, не жажда стяжанія руководила мною, но непреодолимое желаніе срисовать съ нихъ какъ только возможно вѣрныя копіи. Однажды, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, въ 1829 г., панъ и пани уѣхали на балъ, въ такъ-называемые *ресурсы* (дворянское собраніе), по случаю тезоименитства въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Въ домѣ все успокоилось, уснуло. Я зажегъ свѣчку въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои краденныя сокровища и, выбравъ изъ нихъ Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать. Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ казачковъ, гарцующихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась дверь и вошелъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервененіемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощечинъ — не за мое искусство, нѣтъ! (на искусство онъ не обратилъ вниманія), а за то, что я могъ-бы съечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достоюльнымъ усердіемъ».

Вскорѣ, впрочемъ, Энгельгардтъ обратилъ вниманіе и на «искусство» своего казачка и, соблазнившись мыслью имѣть своего собственнаго живописца, отдалъ его учиться къ одному варшавскому маляру, занимавшемуся расписываньемъ потолоковъ и стѣнъ. Маляръ этотъ оказался до того порядочнымъ человекомъ, что, замѣтивъ талантъ въ Шевченкѣ, убѣдилъ Энгельгардта отдать его портретисту Лампи. Такимъ образомъ была удовлетворена, наконецъ, страсть Шевченка къ живописи; онъ началъ учиться у Лампи, продолжая жить у своего барина, поселившагося въ Варшавѣ. Здѣсь шестнадцатилѣтній Шевченко въ первый разъ влюбился въ польку-швею, которая посоветовала ему выучиться по-польски и впервые пробудила въ немъ сознаніе человѣческаго достоинства, заставивъ его взглянуть, какъ слѣдуетъ, на крѣпостную зависимость крестьянъ. «Я въ первый разъ пришелъ тогда къ мысли, рассказывалъ впоследствии поэтъ, — отчего и намъ, несчастнымъ крѣпакамъ, не быть такими-же

людьми, какъ прочія сословія». О женитьбѣ въ его положеніи нечего было и думать, и тяжесть рабства Шевченко чувствовала тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше разгоралась его любовь. Онъ дошелъ до отчаянія и чуть-было не покончилъ самоубійствомъ.

Въ 1832 г. Энгельгардтъ переселился въ Петербургъ, куда вслѣдъ за нимъ отправились по этапу и его дворовые люди, въ томъ числѣ и домашній живописецъ Тарасъ, котораго баринъ законтраговалъ на четыре года къ раскрашивателю вывѣсокъ, Шириеву. Послѣ портретной живописи у Лампи это было, конечно, шагомъ назадъ, да и «Шириевъ, рассказываетъ Шевченко,—соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьячка—хиромантика; но, несмотря на весь гнетъ тройственного его генія, я въ свѣтлыя лѣтнія ночи бѣгала въ Лѣтній садъ рисовать со статуй, украшающихъ сіе прямолінейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ Сошенко. По совѣту его, я началъ пробовать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ черновыхъ пробъ служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, казакъ Иванъ Ничипоренко, дворовый членъ нашего помѣщика. Однажды помѣщикъ увидѣлъ у Ничипоренко мою работу, и она ему до-того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ рублемъ серебра». Между тѣмъ Сошенко заботился не только о развитіи своего молодого друга, но и объ его освобожденіи. Онъ давалъ ему книги, познакомилъ съ писателемъ Гребенкой, чрезъ котораго Тарасъ сошелся съ Жуковскимъ, а въ 1837 г. Сошенко представилъ его секретарю академіи художествъ Григоровичу. Новые друзья и покровители начали хлопотать объ его освобожденіи, и благодушный Жуковскій уговорилъ Энгельгардта освободить Шевченко за 2,500 р., которые были выручены за портретъ Жуковскаго, писанный Брюловымъ и разыгранный въ лотерею.

Апрѣля 22-го 1838 г. Шевченко получилъ свободу, поступилъ въ академію и вскорѣ сдѣлался любимымъ ученикомъ и другомъ Брюлова, а въ 1844 году получилъ званіе художника. Но не одною живописью занимался онъ: онъ старался пополнить недостатки своего образованія и много читалъ по всѣмъ отраслямъ знанія, хотя, конечно, никогда не могъ достигъ того, что дается только систематическимъ образованіемъ. Любя живопись, онъ, однакожь, все болѣе начиналъ предпочитать ей поэзію, склонность къ которой проявилась въ немъ съ рѣшительною силою

только въ Петербургѣ. «Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, говорить онъ,—извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоянныхъ дворахъ и въ городскихъ трактирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило мнѣ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ». Шевченко уже не такъ усердно занимался живописью, какъ прежде, хотя картины и вдохновляли его поэтическое творчество, особенно картины Брюлова. «Передъ его дивными произведеніями, говорить онъ,—я задумывался и лелѣялъ въ сердцѣ своего слѣпца «Кобзаря» и своихъ кровожадныхъ «Гайдамаковъ». Въ тѣни его изищно-роскошной мастерской, какъ въ знойной, дикой степи надднѣпровской, передо мною мелькали мученическія тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мною разстилалась степь, усѣянная курганами, передо мною красовалась моя прекрасная, бѣдная Украина во всей меланхолической красотѣ своей. И я задумывался. Я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной, чарующей предлесті. Призваніе—и ничего больше!» Въ 1840 году вышелъ его «Кобзарь», въ которомъ были помѣщены: «Перебендя», «Тополь», «Тарасова Ночь», «Къ Основьяненку» и «Катерина», а въ слѣдующемъ году вышли его поэмы: «Гайдамаки» и «Гамалея». Одинъ анонимный критикъ («Недѣля», № 37, 1874 г.) говоритъ: «Первыя вещи его: «Причинна», «Тополь», «Утоплена» не выходятъ по задачамъ изъ того рода, къ какому принадлежали сказки и баллады Пушкина (!), Жуковского (!!), Козлова (!!!). Это парафразы народныхъ повѣрій, анекдотовъ болѣе или менѣе «трогательнаго» характера. Не только по отсутствію социальныхъ идей, но и по отсутствію малороссійскаго «партикуляризма» и, такъ-сказать, «вареничнаго» и «наливочнаго» патриотизма, столь естественно развивающагося у малороссовъ въ Петербургѣ,—первыя пьесы Шевченка скромнѣе даже пьесъ Котляревскаго и «Вечеровъ на хуторѣ», которые, вѣроятно, не остались безъ вліянія и на Шевченка». Съ первою половиною этого отзыва согласиться рѣшительно невозможно. Правда, эти произведенія Шевченка были, такъ-сказать, только перепѣвами народныхъ пѣсенъ, легендъ и повѣрій, въ нихъ нѣтъ ничего тенденціознаго, какъ нѣтъ ничего тенденціознаго и во множествѣ другихъ произведеній Шевченка, принадлежащихъ уже къ послѣдующимъ періодамъ его дѣятельности, — но приравнивать его «Тополь», напримѣръ, къ передѣланной съ нѣмецкаго «Свѣтланѣ» или сказкамъ Пушкина, а тѣмъ болѣе къ баладамъ Козлова—просто нелѣпо. Послѣднія—поддѣлки, а всѣ произведенія Шев-

ченка—чисто-народныя созданія. Они, какъ и произведенія Борнса, отражаютъ въ себѣ всю жизнь простаго народа,—жизнь, заключающую въ себѣ не одни страданія, не одно тупое невѣжество, но и тихія радости, трогательныя чувства, веселыя заботы. И Борнсъ, и Шевченко, и Кондратовичъ любятъ эту жизнь и свѣтлыми красками рисуютъ сельскую идиллію.

Вишневый садикъ возлѣ хаты;
Жуки надъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахари тащатъ
И, распѣваячи, дѣвчаты
Домой на вечерю спѣшатъ.
Семья ихъ ждетъ, и все готово,
Звѣзда вечерняя встаетъ—
И дочка ужинъ подаетъ;
А мать сказала-бы ей слово,
Да соловейко не даетъ.
Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ-дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ...
Затихло все, однѣ дѣвчаты
Да соловейко не затихъ.

Въ особенности Шевченко любитъ такія свѣтлыя картины, какъ дѣвичій хороводъ (напр., въ «Марьянѣ»), или дѣдъ, шалящій съ своими внуками, или отецъ, играющій на бандурѣ передъ хатою, и взрослые дѣти, танцующія подъ его музыку (въ «Невольникѣ»), старый дѣдъ, лихо отхватывающій казака на сватбѣ внука (въ «Работникѣ») и т. д. «Рай тай годі! жити та брататься!» восклицаетъ Шевченко, вспоминая объ этихъ картинахъ. Онъ восхищается и при видѣ современныхъ радостей простолюдина, и при воспоминаніи о развеселой украинской старинѣ.

Было время—на Украинѣ
Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду вдоволь—
По колѣно море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспоманешь—
Какъ-то легче станеть сердцу,
Веселѣе взглянешь“.

Ту-же нѣжную любовь къ родинѣ и народу мы видимъ у Сырокомли. Подобно Лермонтову, онъ любитъ родину во всей ея сѣрвовой неприглядности:

О, Литва моя святая, о, мой край родной,
 Милы мнѣ твои пустыни, твой просторъ глухой!
 Неприглядно и непышно смотритъ глушь твоя,
 Не напомнишь ты собою южные края,
 Гдѣ въ поляхъ земного рая—роскошь и краса,
 Гдѣ оливою и миртой заросли лѣса,
 Гдѣ въ сіяющей лазури тонуть выси горъ
 И чаруютъ красотою пораженный взоръ.
 Тамъ каскады и озера... столько чуда въ нихъ,
 Что рисуютъ на картинкахъ итальянцы ихъ
 И по ярмаркамъ развозятъ, чтобъ прельщать народъ...
 Нѣтъ въ тебѣ, мой край родимый, нѣтъ такихъ красотъ!
 Небеса твои безъ блеска, сумраченъ твой видъ,
 И очей питомцевъ юга онъ не поразить...
 Не сверкаетъ въ водопадахъ рѣкъ твоихъ волна,
 А въ лѣсахъ твоихъ осина, ольха да сосна...
 Не отесаны и грубы бревна избъ твоихъ,
 Вѣтхи кровли изъ соломы, мохъ растетъ на нихъ,
 А подъ кровлями твоими простъ и дикъ народъ,
 На него взглянувши, скажутъ: „трехъ не перечтеть“ .

Сырокомля еще болѣе, чѣмъ Шевченко, воспѣвалъ подвиги и доблести старинныхъ рыцарей своей родины, шляхты, и старался увѣковѣчить шляхетскую славу въ цѣломъ рядѣ историческихъ поэмъ («Ночлеги Гетмана», «Маргеръ» и т. д.). Онъ говорилъ, что самъ народъ не воспѣлъ этихъ героевъ:

Грустно, грустно! Нѣтъ гусяровъ на Литвѣ моей!
 Запорожье-же воспѣли струны кобзарей.
 Отчего-жь, Литва родная, нѣтъ пѣвцовъ твоихъ?
 Отчего-же не раздастся вѣщій голосъ ихъ,
 И къ потомству не полетятъ съ звонкою игрой
 Дорогихъ воспоминаній вѣковѣчный рой?

Идеализировавъ старинную шляхту, Кондратовичъ не видѣлъ, что она-то именно и подавила умственную жизнь массы, несоздавшей ничего подобнаго историческимъ думамъ Малоросіи и былинамъ Великоросіи. Но хотя у Сырокомли не было предшественниковъ, какъ у Шевченка, онъ все-таки сдѣлался народнымъ поэтомъ, по крайней мѣрѣ, той части населенія Литвы, которая говоритъ по-польски. Изъ любви къ народу онъ даже исполнялъ должность органиста въ сельской церкви и въ лицѣ своего «Деревенскаго гусяра» говорилъ:

Кто пойметъ, чѣмъ я занятъ, почему меня тянетъ
 Пѣть въ родимой деревнѣ,

Пѣть, бряцаая струнами, передь Богомъ во храмѣ,
Передь народомъ въ харчевнѣ?

Гусляръ—слуга народа, онъ утѣшаетъ его, поддерживаетъ его нравственную бодрость, возбуждаетъ его къ веселью:

Ты звонка, моя лира! Знать, волшебнаго міра
Въ тебѣ чары таятся:

Лишь возьму тебя въ руки, запоютъ твои звуки—
Грудь начнетъ волноваться.

Въ пѣснѣ радость я чую, пѣсней сердце врачу
И гоню горе злое;

Утѣшаешь меня ты, коль отъ хаты до хаты
Прохожу все село я.

Отъ тебя нѣтъ отбою, не натѣшусь тобою,
Подъ твой звонъ оживая,

Сердце птичкой трепещеть, а въ лицо такъ и клещеть
Кровь моя огневая...

Пусть рука наболѣла, въ сердцѣ горе назрѣло,
Но играть буду съ жаромъ...

Вѣдь ты, лира,—даръ Божій... я—гусляръ переходжій
И умру я гусляромъ.

Народный пѣвецъ у Шевченка облетаетъ душою весь міръ, и «снова на небо, бо на земли горе». Его кобзарь —

Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ.

И эту черту мы находимъ у всѣхъ истинно-народныхъ поэтовъ, напр., у Беранже, Кольцова или у того-же Борнса. У всѣхъ у нихъ мы видимъ также ту трогательную нѣжность чувства, которая нѣсколько напоминаетъ собою романтическую сентиментальность. «Я, говоритъ Борнсъ,—страстно люблю весенніе цвѣты, особенно горную маргаритку. Я не могу слышать громкаго свиста каравайки въ лѣтній полдень или дикаго, смѣшаннаго крика зукъ въ осеннее утро безъ того, чтобы душа моя не возвышалась до поэтическаго энтузіазма». Маргаритка, срѣзанная его плугомъ, полевая мышь, гнѣздо которой онъ нечаянно разорилъ, внушали Борнсу самыя трогательныя пѣсни, напоминающія собою нѣкоторыя стихотворенія Шевченка, напр., его «Барвинокъ»:

„Барвинокъ цвѣлъ и зеленѣлъ,
Въ саду разстилался;
Но морозецъ передь свѣтомъ
Въ садикъ тотъ прокрался,
Истопталъ цвѣты и травку,

Побиль, изморозиль—
Жаль мнѣ стало барвиночка,
Да жаль и мороза“.

Это послѣднее сожалѣніе даже о зломъ началѣ тоже напоми-
наетъ Борнса, который въ своемъ «Adress to the Devil» сожа-
лѣетъ даже чорта и желаетъ ему спасенія.

Упомянутый рецензентъ «Недѣли» ставитъ нѣкоторыя про-
изведенія Шевченка, какъ, напр., «Тополь», на одну доску съ
баладами и сказками нашихъ романтиковъ, не обращая внима-
нія на то, что послѣдніе, какъ ни старались поддѣлываться
подъ народное воззрѣніе и умонастроеніе, все-таки неизбѣжно
фальшивили, такъ-какъ не принадлежали къ народу и даже мало
знали его; но такіе поэты, какъ Борнсъ и Шевченко, даже въ
тѣхъ случаяхъ, когда они обрабатывали народныя повѣрья и
воззрѣнія въ искусственныхъ формахъ, вполнѣ были родственны
и понятны народу, какъ, наприм., «Тэмъ О'Шентеръ» Борнса
или «Тополь» Шевченка. Въ этой поэмѣ Шевченко воспользо-
вался народными легендами о превращеніи людей въ деревья.
Несчастная дѣвушка, покинутая милымъ и выдаваемая насиль-
но за человѣка нелюбимаго, беретъ у колдуньи зелье, выпи-
ваетъ его и начинаетъ превращаться въ тополь. Ни въ одной
изъ баладъ Мицкевича или Пушкина вы не найдете ничего по-
добнаго окончанію поэмы, написанному такъ, словно Шев-
ченко самъ присутствовалъ при этой сценѣ. Дѣвушка выпила
немного зелья—

И повеселѣла,
Вотъ еще, еще—и словно
Сонная заплѣла:
„Ты плыви, плыви-же, лебедь,
По морю синему.
Ты рости, рости-же, тополь,
Къ небу голубому!
Дорости, высокъ и тонокъ,
Вплоть до самой тучи,
Свѣдай тамъ, дождусь-ли друга,
Аль загину ждучи?
Посмотри, какъ доростешь ты,
За синее море:
Тамъ, за моремъ, моя доля,
Здѣсь, надъ моремъ—горе.
Тамъ мой милый, чернобровый
По полю гуляетъ,

А я плачу, годы трачу,
Друга поджидаю.
Мать сама меня хоронить,
Въ землю зарываетъ...
Безъ меня ее, родную,
Кто-же приласкаетъ!
Кто присмотритъ, кто распроситъ,
Въ старости поможетъ?
Мать моя! Моя ты доля!
Боже ты, мой Боже!
Ты расти, расти-же, тополь,
Къ небу голубому,
Ты плыви, плыви-же, лебедь,
По морю синему!" (Перев. Гербеля.)

Едва смолкла пѣсня — и чернобровая казачка превратилась въ тополь. Несчастливая доля женщины изображается Шевченкомъ въ цѣломъ рядѣ поэмъ: «Марьяна», «Катерина», «Работница», «Княжна», но нигдѣ этотъ печальный мотивъ не развить съ такою сердечною теплою, какъ въ «Катеринѣ». Брошенная москалемъ, она таетъ, какъ свѣчка, въ печали о покинушемъ ее миломъ, въ горѣ объ участи своего незаконнаго ребенка. Родители отсылаютъ ее отъ себя, но любовь къ ней играетъ главную роль даже при этомъ изгнаніи. Мать начинаетъ проклинать ее, но кончаетъ благословіемъ.

«Видно, въ день и часъ проклятый
Я тебя родила!
Еслибъ знала, до восхода
Солнца-бъ утопила:
Пусть-бы гадина сглодала,
Не москаль поганый...
Охъ, дитя мое родное,
Цвѣтикъ мой румяный!..
Ну, иди-жь!..» Благословила:
„Богъ съ тобой, родная!“
И на лавку повалилась,
Будто неживая.

Изображая это горе, эти страданія, поэтъ часто пускается въ грустные размышленія о грустной судьбѣ человѣка.

Но эта чисто-народная грусть не доходитъ до отчаянія, до отвращенія къ жизни, которая при всѣхъ своихъ горестяхъ имѣетъ и отрадные стороны:

„Жить тяжело на свѣтѣ, а хочется жить!
И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
И хочется слушать, какъ море играетъ,
Какъ птичка щебечетъ, какъ вѣтеръ шумитъ,
Красавица-дѣва въ лѣсу расцвѣтаетъ...
О, Боже мой, Боже, какъ весело жить!“ (Пер. Чмырева.)

Борнсъ и Кондратовичъ не ограничивались идиллическимъ воспѣваніемъ природы и народной жизни; они не только раздѣляли съ народомъ въ своихъ пѣсняхъ его радости и горе, его вѣрованія и забавы, но и увлекались былымъ величіемъ Шотландіи и Литвы, подвигами королей и рыцарей, громкими пѣснями древнихъ бардовъ. Борнсъ пѣлъ, какъ умиралъ повѣщенный Макферсонъ, какъ шотландцы сражались подъ предводительствомъ Улласа, «при имени котораго закипаетъ вся кровь въ шотландцѣ», какъ они бились съ войсками Эдуарда, принесшими съ собою цѣпи и рабство, и т. д. Патріотическое увлеченіе стариной было чрезвычайно сильно у Борнса въ первый періодъ его дѣятельности, пока на него не произвели сильнаго впечатлѣнія событія и идеи французскаго переворота. То-же увлеченіе стариной мы видимъ и у Шевченка, который воспринялъ его отъ прежнихъ писателей, вродѣ Котляревскаго и Гулака, унаслѣдовавшихъ эти тенденціи еще отъ своихъ предшественниковъ XVII вѣка. Въ цѣломъ рядѣ пьесъ, изъ которыхъ даже маленькія могутъ быть названы поэмами, какъ, напр., превосходное стихотвореніе «Иванъ Подкова», Шевченко воспѣлъ старую казацкую волю, быдую славу Украйны и оплакалъ ея паденіе.

Долго буря надъ Украйной
Злилась и шумѣла;
Долго, долго кровь степями
Лилась, багровѣла;
Лилась, лилась—и подсохла.
Степи зеленѣютъ,
Дѣды спятъ въ землѣ: могилы
Ихъ кругомъ сипѣютъ.
Что за нужда, что высоки?
Ихъ никто не знаетъ,
Не омочитъ ихъ слезами
И не разгадаетъ.
Только вѣтеръ тиховѣйный
Прошумитъ надъ ними,
Да роса по-утру рано
Каплями своими

Ихъ умоеть. Встанеть солнце,
 Высушить, пригрѣть...
 А внучата? — Имъ нѣтъ дѣла;
 Жито въ полѣ сѣють.
 Много ихъ, а кто разскажетъ,
 Гдѣ курганъ-могила,
 Гдѣ могила Гонты-брата,
 Гдѣ похоронила
 Прахъ его лихая доля?
 Гдѣ опочивваетъ
 Желѣзнякъ, душа прямая?
 Да, никто не знаетъ...

Шевченко скучалъ и томился въ Петербургѣ, его тянуло на родину; съ нимъ случилось то-же, что и съ Борнсомъ. Последній не могъ ужиться въ Единбургѣ; свѣтское общество было не по душѣ ему; онъ вернулся домой, женился на своей прежней возлюбленной, арендовалъ небольшой участокъ земли и получилъ должность акцизнаго чиновника. Но его внутреннихъ тревогъ и страданій ничто уже не могло успокоить. Онъ привѣтствовалъ французское движеніе, какъ зарю золотого вѣка, онъ измѣнилъ свои прежнія воззрѣнія, и его провозгласили якобинцемъ, множество прежнихъ поклонниковъ сдѣлались его врагами, на него посыпались брань и клевета. Несчастный Борнсъ запыль сильнѣе прежняго. Шевченко-же былъ еще несчастнѣе. Ему даже не удалось устроиться на родинѣ такъ семейно, какъ онъ мечталъ и какъ это удалось сдѣлать Борнсу. Что-же касается слабости къ вину, то въ этомъ отношеніи малорусскій поэтъ не уступалъ шотландскому. Въ Петербургѣ онъ съ первыхъ-же шаговъ попалъ въ общество художниковъ и скоро втянулся въ ихъ жизнь, однимъ изъ главныхъ элементовъ которой служили въ то время кутежи. Самъ его учитель Брюловъ былъ первымъ мастеромъ по этой части. Тотчасъ по окончаніи курса, въ 1844 г., онъ поѣхалъ въ Малороссію, въ высшихъ слояхъ которой его стихи уже доставили ему громкую популярность. Радушные хохлы постарались прежде всего угостить Тараса, и онъ попалъ въ компанію, которая положительно споила его. Вотъ что говоритъ г. Афанасьевъ «о небольшомъ кружкѣ, который овладѣлъ Шевченко»: «Тѣсный кружокъ умныхъ и благородныхъ людей, преимущественно гуманныхъ и пользовавшихся всеобщимъ расположеніемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ собутыльниковъ, которые, не находя-ли дѣятельности въ тогдашней средѣ, не успѣвали отрѣшиться отъ юной, разгульной жизни, единственнымъ на-

слаженіемъ находили удовольствіе похмѣлья и девизомъ своимъ избрали извѣстную латинскую пословицу: «in vino—veritas». Слабость эта, извиняемая въ дворянскомъ быту, а въ то время заслуживавшая даже особенную похвалу, невредившая никому, не мѣшала, однакожь, членамъ упомянутаго кружка быть пріятными собесѣдниками почти весь день, потому что они могли выпивать очень много и только уже вечеромъ нализывались до того состоянія, когда языкъ прилипаетъ къ гортани и въ глазахъ двоятся предметы. Кружокъ этотъ носилъ названіе «общества мочемордія», вслѣдствіе того, что на языкѣ его не существовалъ глаголь «пьянствовать», а замѣнялся фразой «мочить морду», и каждый удалой питухъ назывался «мочемордой» или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ право на это названіе. Въ противоположность—неупотребленіе спиртныхъ напитковъ называлось «сухомордіе» или «сухорыліе». Члены, смотря по заслугамъ, носили титулы мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества. Въ награду усердія у нихъ существовали отличія: сивалдай въ петлицу, бокаль на шею и большой штофъ черезъ плечо. Старѣйшиной этого общества былъ тогда В. А. З—ій, носившій титулъ высокопьянѣйшества и получившій большой штофъ черезъ плечо. Умный и благородный человѣкъ, гусарь въ отставкѣ, З—ій цѣлый день бывалъ душою общества, и всѣ, кто слушалъ его рассказы о походахъ мочемордъ въ обоихъ полушаріяхъ, хватались за бока отъ смѣха, и въ тѣ минуты отъ него нельзя было оторваться. Съ крестьянами онъ обходился необыкновенно кротко и иначе не относился къ нимъ, какъ съ какою-нибудь шуткой. Однажды при мнѣ гдѣ-то на балѣ послѣ ужина пошли мы въ свои комнаты. З—ій горевалъ, что мало съѣхалось истинныхъ мочемордъ, «все этакое сухорыліе», и собирался ложиться спать «чортъ знаетъ въ какомъ положеніи!» Слуга его встрѣтилъ насъ, шатаясь. З—ій расхохотался.—«Каковъ попъ, таковъ и приходъ! проговорилъ онъ, и, доставъ изъ кармана полтинникъ, прибавилъ:—о, достойный сынъ Бахуса! ступай-же и мочи морду до разсвѣта». Это была чрезвычайная рѣдкость въ то время, когда иные помѣщики, пившіе безъ просыпу, строго наказывали людей, если послѣдніе хоть изрѣдка пробовали подражать господамъ своимъ. Къ В. З—му сошлось нѣсколько истыхъ мочемордъ отпраздновать знакомство съ Шевченкомъ, и какъ все это были веселые, порядочные люди, то мы и остались пировать съ ними до разсвѣта». Шевченка встрѣчали всюду съ распростертыми объятіями; онъ бывалъ и на балахъ, и на аристократическихъ обѣдахъ, онъ даже увлекался немного свѣтскими красавицами, но его сердце не лежало къ

этой жизни, а наиболѣе понравившаяся ему свѣтская женщина внушила ему только слѣдующіе стихи:

Не журюсь я, а не спится,
Часомъ до пивночи,
Усе свитать ти блискучи,
Твои черны очи.
Мовъ говорятъ тихесенько:
«Хочь, небоже, раю?
Винь у мене тутъ у серци»,
А серця не має
Й не було его николи,
Тилько шматокъ мяса!..

«Шевченко, рассказываетъ Афанасьевъ,—разочаровался въ нашихъ панахъ и посѣщалъ уже весьма немногихъ. Не отсутствіе радушія или вниманія, не какое-нибудь высокомеріе оттолкнули его, а печальная власть бывшего крѣпостного права, выражавшаяся въ той или другой неблагоприятной формѣ, приводила эту благородную душу въ самое мрачное настроеніе. Хотя передъ нимъ всѣ старались показывать домашній бытъ свой въ праздничномъ видѣ, однако трудно было обмануть человѣка, подобнаго Шевченку, который, выйдя самъ изъ крѣпостного состоянія, очень хорошо зналъ кулисы и декорации помѣщичьей жизни. Въ уѣздномъ городкѣ Л., не желая отстать отъ другихъ, одинъ господинъ пригласилъ Шевченка обѣдать. Мы пришли довольно еще рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію, хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшего слугу, разбудилъ его собственноручно по-своему, не стѣняясь нашимъ присутствіемъ. Тарасъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться. Господинъ не остался въ послѣдствіи въ долгу: темная эта личность, дѣйствуя во мракѣ, приготовила немало горя нашему поэту». Тягостныя впечатлѣнія крѣпостного права, которыя Шевченко получалъ на каждомъ шагѣ во время своего путешествія по Малороссіи, были для него тѣмъ болѣе невыносимы, что самъ онъ только недавно освободился изъ этой зависимости, а братья и сестры его оставались крѣпостными. Съ грустью и любовью путешествовалъ Шевченко по родинѣ, любуясь ея видами; изучая древности, наблюдая народную жизнь. Его безграничное добродушіе находило себѣ при этомъ пищу на каждомъ шагѣ. Онъ отдавалъ послѣднюю копѣйку всякому, кто просилъ или нуждался. Знакомые нерѣдко совѣтовали ему

быть разборчивѣе въ дѣлѣ помощи другимъ, такъ-какъ многіе, пользуясь его добродушіемъ, только обманывали его. «Я и самъ знаю это, говорилъ въ такихъ случаяхъ Шевченко, — но пусть лучше трижды* обмануть меня, а все-же въ четвертый разъ я подамъ тому, кто, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ не видалъ куска хлѣба». Несчастные были всѣ равны въ его глазахъ, къ какой-бы націи, профессіи, вѣрѣ они не принадлежали. Однажды въ Нѣжинѣ Шевченко бросился спасать имущество изъ горѣвшей еврейской лачуги, а по окончаніи пожара началъ держать назидательную рѣчь къ малороссамъ, которые только глазѣли на горѣвшую хату, не принимая никакого участія въ тушеніи, потому что «горѣлъ жидъ». Большое удовольствіе доставляли Шевченку крестьянскія дѣти, которыя лѣтомъ проводятъ обыкновенно цѣлые дни подъ открытымъ небомъ. Шевченко садился къ нимъ въ кружокъ и, приласкавъ ихъ, начиналъ рассказывать сказки, цѣть дѣтскія пѣсни, пресерьезно дѣлать пищалки и скоро пріобрѣталъ общее расположеніе ребятишекъ. Даже животныя пользовались его теплой симпатіей. Увидѣвъ въ саду гдѣ-нибудь жучка, онъ садился и наблюдалъ его незатѣйливые нравы и обычаи. Онъ обыкновенно бралъ подъ свою защиту щенятъ и котятъ отъ нападений уличныхъ мальчишекъ, а однажды впутался-было въ Кіевѣ въ исторію съ собакобоемъ, убивавшимъ на улицѣ собаку. Путешествіе по Малороссіи не только сильно содѣйствовало развитію его поэтическаго таланта, не только дало ему возможность сознательно взглянуть на положеніе страны, но и много помогло его научному развитію. Въ Кіевѣ онъ сошелся съ Костомаровымъ и другими молодыми учеными, подъ вліяніемъ которыхъ онъ началъ нѣсколько иначе понимать малороссійскую старину и знакомиться съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ, особенно чеховъ. Въ историческихъ воззрѣніяхъ Шевченка совершился переворотъ. Въ это время онъ писалъ почти всѣ лучшія свои произведенія («Гусь», «Посланіе къ землякамъ», «Невольникъ», «Работница», «Сонъ», «Кавказъ» и др.), но въ нихъ уже нѣтъ прежняго увлеченія эпическимъ блескомъ «гетьманщины». Напротивъ, онъ совѣтовалъ своимъ землякамъ, вмѣсто лирическаго увлеченія прошедшимъ, вмѣсто восклицаній, что, дескать, «наша исторія — поэма вильного народу, у насъ Брути и Коклеси» — безпристрастно изучать эту исторію, чтобы, подобно ему, убѣдиться, что настоящей причиной горестной судьбы Малороссіи были ея-же «герои», закрѣпостившіе земледѣльцевъ, гонявшіеся за «лакомствомъ несчастнымъ», за «шляхетствомъ прирожаннымъ», за «матеностями съ посполитыми людьми». Крѣпостное право сдѣла-

лось исходною точкою думъ и стремлений Шевченка. Онъ уже вполне отрицательно относился къ украинофильскимъ либераламъ, щеголявшимъ своимъ вольнодумствомъ и равнодушно смотрѣвшимъ на крѣпостныя узы. Онъ заклеивалъ этихъ либераловъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи:

Потомокъ гетмана-безумца
И презавзятый патріотъ,
На свѣтѣ трется межъ панами
И водку дуешь съ мужиками
Да вольнодумствуетъ въ шинкѣ,
Да изъ села своихъ дѣвчонокъ
Перебираетъ... (Кобзарь, изд. Кожанчикова, 463.)

Шевченко былъ чуждъ крайнихъ славянофильскихъ увлеченій. Онъ съ сарказмомъ относился къ своимъ землякамъ, «трущимся у славянофилы», изучающимъ «все мови славянскаго люду» и совершенно забывшимъ окрѣпостное положеніе своихъ «братевъ незрячихъ, гречкосѣевъ». И не одно крѣпостное право ложилось бременемъ на душу поэта, не одно оно исторгало его грустныя пѣсни, но и тѣ отношенія, которыя рядомъ послѣдующихъ реформъ были совершенно отмѣнены и замѣнены новыми, лучшими, какъ, напр., тяжелыя условія старинной рекрутчины, откупа, тѣлесныя наказанія и т. д. Поэтъ народный, онъ не былъ въ сущности поэтомъ исключительной народности. Хотя славянофильское вліяніе отразилось на немъ въ видѣ нѣмцененавидѣнія и панславистскихъ мечтаній, но эти увлеченія никогда не овладѣвали имъ вполне, никогда не заглушали въ немъ болѣе здравыхъ мыслей. Его міровоззрѣніе не было вполне выясненнымъ и систематизированнымъ, въ немъ было немало противорѣчій. Въ посланіи къ землякамъ, напр., обличая разныя злоупотребленія пановъ, Шевченко укоряетъ ихъ и за то, что они учатся нѣмецкой наукѣ, а не «своей мудрости», которую можно обрѣсти только надъ Днѣпромъ, «подобнаго которому другого нѣтъ на свѣтѣ», и т. п. Но тутъ-же онъ смѣется и надъ славянофилами, а пановъ, учащихся за-границей, укоряетъ, главнымъ образомъ, за то, что они вывозятъ отъ нѣмцевъ только «великихъ словъ велику силу», а «братевъ незрячихъ, гречкосѣевъ» держать по-прежнему.

Увѣщевая другихъ учиться, поэтъ самъ старался учить ихъ. Будущая отмѣна крѣпостной зависимости, «воля»,—вотъ въ чемъ заключалась его главная, свѣтлая надежда, —

Да засѣйся, чорна нива, волей лучезарной!
Да усѣйся не словами, а разумомъ, нива!

Сырокомля не испѣдился отъ своихъ увлеченій шляхтой, но сознавалъ темныя стороны ея быта, особенно эту надутую гордость своими вольностями:

Вѣкъ не живали вѣдь мы по-мѣщански,
Даже, какъ помню я, въ дѣтскихъ годахъ
Насъ и пороли-то чисто по-пански —
На настоящихъ персидскихъ коврахъ!

Шляхетская гордость и презрѣнiе къ *бидлу* впитывались еще съ молокомъ матери, и молоденькая шляхтянка говорила своей куклѣ:

Да ты вѣдь не знаешь: мы — вольныя паны,
Холопы-же всѣ несвободны;
Самъ Богъ приказалъ имъ съ небесъ—безустанно
Все дѣлать, что панамъ угодно.
Въ лохмотьяхъ, нечисты, невзрачны собою,
Чуть живы холопы-то наши!
Самъ Богъ ихъ караетъ за то, что порою
Не слушаютъ пана-папаши.

Когда воевода Троцкiй узналъ, что его, чуть-было не утонушаго на охотѣ, спасъ хлопъ —

„Какъ! (тутъ вскрикнулъ воевода въ гнѣвъ, самъ не свой)
„Смѣлъ мнѣ волосы схватить онъ хамскою рукой!..
„Смѣлъ онъ съ Троцкимъ воеводой обращаться такъ!
„Закатить ему сто розогъ! Чтобъ впередъ смѣльчакъ
„Зналъ, что шляхты кровь священна... чтобъ впередъ онъ былъ
„Осторожнѣе въ поступкахъ и чтобъ не забылъ,
„Что въ огнѣ горитъ-ли шляхтичъ, тонетъ-ли въ водѣ,
„Но волосъ его не смѣетъ тронуть онъ нигдѣ!..

Въ превосходной поэмѣ «Филиппъ изъ Коноплей» этотъ честиѣйшiй добрякъ, терпѣвшiй цѣлую жизнь неудачи, выбирается депутатомъ въ сеймъ. Онъ задаетъ избирателямъ пирушку и возглашаетъ тостъ:

«Vivat, vivat, братья-шляхта! Кровь могучей шляхты той,
Что всегда была опорой для свободы золотой!»
— „Vivat, шляхта!“ кто-то вскрикнулъ и второй, и третiй разъ.
„Нѣтъ сословія и выше, и священнѣе у насъ!
Лишь она всего достойна—всей свободы, всякихъ правъ!..
— „Ошибаешься!“ воскликнулъ, отъ досады задрожавъ,
Нашъ герой. „О цѣломъ классѣ забываешь... правда, онъ
Безъ гербовъ, но равенъ шляхтѣ, да и будетъ съ ней сравненъ!“
— „Равенъ шляхтѣ?!.. Кто-же это?.. Я-бы слышать очень радъ!..
— „Какъ-же кто?.. Конечно, хлопъ!“ отвѣчаетъ депутатъ

Грознымъ голосомъ, сверкая вновь огнемъ потухшихъ глазъ.

„Хлопы бѣдные, которыхъ такъ унизили у насъ...

Мы воюемъ за отчизну, если къ ней подступитъ врагъ,

А они насъ кормятъ хлѣбомъ, защищаютъ нашъ очагъ.

Нѣтъ, гдѣ поле сотворили всеблагія небеса,

Тамъ съ гербомъ поспорить въ силахъ плугъ тяжелый и коса.

Ты воинственной породы! А и вымолвить-то стыдъ! —

Еще съ праждѣда, быть можетъ, мечъ твой ржавчиной покрытъ;

А взгляни на плуги хлоповъ—и увидишь самъ тогда,

Какъ блестятъ они на солнцѣ отъ всегдашняго труда!

Хлопы въ скромной, тихой долѣ, угнетенные судьбой,

Больше дѣлаютъ и, право, стоятъ больше насъ съ тобой;

Съ шляхтой равныхъ правъ достойны! И, какъ земскій депутатъ,

Я на сеймъ явлюся съ мыслью, что и хлопъ мнѣ тоже братъ!“

Возмущенные такимъ вольнодумствомъ Филиппа, шляхтичи чуть не убили его, обрубили ему уши, всего изранили —

И за дѣло! Кто-же спуститъ эту дерзость чудаку?

Приравнять задумалъ пана, и къ кому-же—къ мужику!

Лежа отъ этихъ ранъ на смертномъ одрѣ, Филиппъ вооружаетъ противъ себя лекаря, замѣтивъ ему, что онъ смыслить въ медицинѣ даже меньше старыхъ бабъ. Мало этого, онъ началъ развивать мысль—

Передъ ксендзомъ-богословомъ, будто подъ-Богомъ равны

Христіане всѣхъ религій, будто ксендзы не должны

Братъ законной десятины съ бѣдныхъ мелкихъ деревень,

Будто мало для спасенья—попоститься въ постный день.

Какъ-же, какъ съ подобнымъ вздоромъ не нажить еще врага?

Ксендзъ сказалъ ему: „Не будетъ у тебя моя нога!“

И онъ умеръ одинокій, всѣми оставленный, а имя его сдѣлалось притчею во языцѣхъ.

Не одно крѣпостное право доводило Шевченка до невыносимой печали,—его сердце трогалось всѣмъ, что лишаетъ людей мира и благоденствія, какъ напр., междоусобицы, кровопролитія, войны, особенно между родственными племенами, костры римской инквизиціи, козни іезуитовъ и т. д. Въ «Неофитахъ» онъ плачетъ надъ мучениками первыхъ вѣговъ христіанства. Въ «Невольникѣ» выведено на сцену ужасное рабство христіанъ у турокъ, результатъ войны. Въ «Гуссѣ» судьба этого славянскаго реформатора, сожженного католиками за мнимую «ересь», внушаетъ поэту теплую молитву,

Щобъ уси славяне стали

Добрими братами,

И сынами сонця правды и т. д.

Той-же идеей проникнуты и «Гайдамаки». Отъ каждой изъ этихъ ужасныхъ сценъ, составляющихъ поэму, невольно «сердце холонетъ», какъ выражается поэтъ, рассказывая объ освященіи ножей. Изображая истребленіе польской шляхты, онъ самъ невольно вскрикиваетъ отъ ужаса. «Было горе на Украинѣ, — хуже ада! Да за что-же люди погибали? Одинъ отецъ, одинъ дѣти, — чтобы побрататься! Не хотѣли, не умѣли — вѣдь имъ нужно драться! Нужно крови, брата крови: больно, что у брата есть въ амбарахъ, полно въ домѣ и весело въ хатѣ! «Убьемъ брата, сожжемъ хату!» сказали — сбылося. Ужь довольно-бъ. Нѣтъ, на кару дѣти остались! Въ слезахъ росли и выросли, всѣ въ мозоляхъ руки развязались — и кровь за кровь, и муки за муки! Больно сердцу, когда вспомнишь, что старыхъ славянъ дѣти лили кровь. Но кто-же виноватъ? Все іезуиты!» Въ личности Гонты звѣрское остервененіе доведено до той высшей точки, на которой оно потрясаетъ самое ожесточенное сердце и само пробуждаетъ реакцію себѣ.

Соединившись съ Гонтой, гайдамаки выжгли всю Умань, перебили всѣхъ поляковъ и заперывали... «Всю ночь гуляютъ. Гдѣ-же Гонта? Что онъ не гуляетъ?.. Нѣтъ бѣдняги. Теперь ему, вѣрно, не до пѣсенъ. Но кто это въ черной свитѣ бродитъ вдоль базара?.. Бродитъ тихо, наклонившись. Сталь, разбросилъ груду мертвыхъ ляховъ; что-то ищетъ; нагнулся, два трупа дѣтей малыхъ взялъ на плечи, и позади базара черезъ мертвыхъ онъ шагаетъ, кроется въ пожарѣ за костеломъ». Кто-же это? Гонта, убившій своихъ собственныхъ дѣтей за то, что они родились отъ польки и были католики. Теперь, пораженный горемъ, онъ пожелалъ, чтобъ были дѣти землею прикрыты, чтобъ ихъ тѣла казацкія собаки не ѣли. «И по улицамъ по темнымъ, гдѣ меньше горѣло, понесъ Гонта дѣтей своихъ, отъ людей скрывався, чтобъ не видѣли, какъ плакалъ, какъ съ дѣтьми прощался»:

Выйдя въ поле, *освященный*

Ножъ онъ вынимаетъ

И выкапываетъ яму.

Умань догораетъ,

Свѣтитъ Гонтѣ на работу.

Но чего-жь при свѣтѣ

Догорающихъ обломковъ

Гонтѣ страшны дѣти?

Но чего-жь онъ—словно крадетъ,

Или кладъ хоронитъ—

Весь трясется? Степь отъ кликовъ

Гайдамаковъ стонетъ.

Но онъ, сирый, тѣмъ знакомымъ
Кликамъ не внимаеть:
Торопливо ладить хату,
Ладить—разрываетъ.
И, приладивши, два трупа
Въ той глубокой хатѣ,
Не глядя, кладеть—знать, слышитъ:
«Мы не лахи, тятя!»
Изъ-за пазухи китаюку
Вынувъ, лобызаетъ
Онъ ихъ въ очи и китаюкой
Той ихъ покрываетъ.
Но, спустя одно мгновенье,
Онъ ее снимаетъ
И, рыдая тяжко, горько,
Къ трупамъ припадаетъ...

«Вы на милую Украину
Поглядите, дѣти:
Вѣдь она... изъ-за нея вѣдь
Намъ не жить на свѣтѣ.
Но кто Гонту похоронитъ
На чужомъ на полѣ?
Кто заплачетъ—пожалѣетъ
О моей о долѣ?
Ты зачѣмъ меня семьею,
Доля, надѣлила?
Ты зачѣмъ меня и дѣтокъ
Раньше не сгубила?
Смерть неидеть—и вотъ отецъ васъ,
Дѣти, погребаетъ!»
Крестить мертвыхъ—и землею
Яму засыпаетъ.
«Спите, дѣти! Приготовить
Видно не сѣумѣли
Руки матери-полячки
Вамъ другой постели»...

Въ этой картинѣ гуманная идея поэта выражается гораздо цѣлостнѣе и естественнѣе, чѣмъ въ его лирическихъ отступленіяхъ или въ такихъ пьесахъ, какъ «Кавказъ». Эти отступленія и эти пьесы производятъ на читателя нѣсколько странное впечатлѣніе, напоминая собою чувствительныя выходки романтическихъ писателей противъ войны и ихъ слезныя увѣщанія о мирномъ, брат-

скомъ житіѣ народовъ. Но у романтическихъ писателей это отзывается фальшью, искусственною сантиментальностью, Шевченко-же говоритъ отъ полноты своего дѣтски-наивнаго сердца, и эта наивность, вѣроятно, должна трогать народъ гораздо больше, чѣмъ культурнаго читателя. Вообще о Шевченкѣ болѣе, чѣмъ о комъ-нибудь другомъ изъ русскихъ поэтовъ, слѣдуетъ сказать, что «чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ», почерпая свое вдохновеніе изъ глубины народнаго духа. «Шевченко въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, говоритъ Костомаровъ,—выводитъ на свѣтъ то, что лежало глубоко на днѣ души у народа, то, что народъ только смутно чувствовалъ, но не умѣлъ еще облечь въ ясное сознаніе. Поэзія Шевченка—поэзія цѣлаго народа, но не та только, которую народъ пропѣлъ уже въ своихъ безымянныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами,—это такая поэзія, которую народъ самъ-бы долженъ былъ запѣть, еслибы съ самобытнымъ творчествомъ продолжалъ пѣть непрерывно послѣ своихъ первыхъ пѣсенъ, или, лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно запѣлъ устами своего избранника, своего истинно-передоваго человѣка. Стихотворенія Шевченка не отступаютъ отъ формы и приемовъ малороссійской народной поэзіи: они глубоко малороссійскія, но въ то-же время ихъ значеніе никакъ не мѣстное,—они постоянно носятъ въ себѣ интересы общечеловѣческіе. Шевченко не только малороссійскій простонародный поэтъ, но вообще поэтъ простого народа, людской громады... Въ художественныхъ приемахъ онъ уступаетъ такимъ поэтамъ нашего племени, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, какъ уступалъ имъ вообще по воспитанію, хотя этотъ недостатокъ значительно и восполнялся силою его творческаго генія; но по животворности его идей, по благородству и всеобъемлемости чувства, по естественности и простотѣ Шевченко превосходитъ ихъ. Его значеніе въ исторіи—не литературы, не общества, а всей массы народа».

Въ 1847 г. надъ Шевченкомъ и друзьями его разразился въ Кіевѣ ударъ... Шевченко попалъ въ солдаты и отправился въ Оренбургъ, а отсюда въ Орскую крѣпость. Тяжела была ему и служба, и жизнь въ степи, хотя всѣ товарищи любили его, а начальство по возможности облегчало его положеніе. Въ 1848 г. лейтенантъ Бутаковъ взялъ его въ качествѣ живописца въ свою экспедицію, отправлявшуюся для изслѣдованія Аральскаго моря. Изъ снятыхъ Шевченкомъ видовъ составилъ превосходный альбомъ, съ которымъ онъ въ концѣ 1849 г. вернулся въ Оренбургъ, а отсюда былъ переведенъ въ Новопетровское укрѣпленіе, на азіатскомъ берегу Каспійскаго моря. Здѣсь онъ про-

былъ семь лѣтъ, въ постоянной тоскѣ объ Украинѣ, поддержи-
ваемый только религіей, надеждой на возвращеніе да своей музой.

«Считаю, говорить онъ въ одномъ изъ своихъ стихотворе-
ній, — дни и ночи, — и счетъ забываю. О, Господи, какъ мед-
ленно идутъ эти дни!»

Наступилъ 1856 г.; Шевченко съ нетерпѣніемъ ждалъ амни-
стїи, но оказалось, что его начальство не представило къ ос-
вобожденію. «Мнѣ запрещено писать стихи, писалъ онъ въ
это время къ графинѣ Толстой, — я знаю за что, и переносу
наказаніе безропотно. Но за что мнѣ запрещено рисовать?..
Хотя съ великимъ трудомъ, я отказалъ себѣ въ самомъ не-
обходимомъ, довольствуюсь тѣмъ, что царь даетъ солдату; но
какъ отказаться отъ мысли, чувства, отъ этой неугасимой люб-
ви къ прекрасному искусству? О, спасите меня, или еще одинъ
годъ — и я погибъ!» Скоро положеніе его нѣсколько улучшилось:
онъ началъ писать, получать книги, краски, вещи. Весной
1857 г. одинъ изъ друзей извѣстилъ его о близкомъ возвраще-
ніи, и Шевченко отвѣчалъ ему: «какъ-разъ 7 апрѣля пришла
къ намъ почта и привезла твою дорогую посылку и радостное
письмо. Я чуть не одурѣлъ, прочитавши его, да еще закурилъ
твою сигару (я десять лѣтъ не курилъ сигары), то какъ заку-
рилъ твою гаванну, то такъ мнѣ, мой единственный другъ,
запахло волею, что я заплакалъ, какъ ребенокъ. Вотъ что ты
надѣлалъ съ моими старыми очами! Пускай тебѣ Господь мило-
сердный заплатитъ за твое сердечное дѣло». Въ то-же время онъ
писалъ гр. Толстой: «Шатобрианъ сказалъ, что истинное счастье
недорого стоитъ и что дорогое счастье — плохое счастье... Бѣд-
ный, малодушный вы, шевалье Шатобрианъ де-Комбургъ! Фло-
рентинскій изгнанникъ выдралъ-бы васъ, какъ болтуна-школьника,
за такую чепуху. Дантъ былъ только изгнанъ изъ отечества,
но ему не запрещали писать свой «Адъ» и свою Беатриче. Я былъ
несчастнѣе его, за то теперь счастливѣе счастливѣйшаго изъ
людей. И выходитъ, что истинное счастье не такъ дешево, какъ
думаетъ шевалье де-Шатобрианъ». Въ августѣ 1857 г. Шевчен-
ко выѣхалъ въ Петербургъ, но обстоятельства задержали его
въ Нижнемъ, откуда онъ писалъ Толстой: «Со дня отбытія мо-
его изъ Новопетровскаго укрѣпленія я совершенно счастливъ.
По прибытіи въ Нижній неугоминая полиція разрушила мое
блаженство, и то на нѣсколько дней. Вскорѣ я пришелъ въ себя
отъ этого неожиданнаго несчастія и, какъ человѣкъ испытанный
судьбой, сказалъ себѣ: все къ лучшему. Я совершенно вѣрую
въ это старое изрѣченіе и на сей разъ увѣренность моя вполне
оправдалась: мнѣ необходимъ былъ промежутокъ между сѣвер-

ной Пальмирой и киргизскою степью, а иначе я явился-бы къ вамъ настоящимъ киргизомъ. А теперь, съ помощью добрыхъ людей, я понемногу дѣлаюсь похожимъ на человѣка. Дѣло въ томъ, что я впродолженіи этихъ 10 лѣтъ, кромѣ «Русскаго Инвалида», ничего не читалъ. Такъ можете себя вообразить, какимъ-бы я чудачкомъ явился въ обществѣ грамотныхъ людей. Теперь-же я заваленъ книгами и запоемъ читаю или, правильнѣе, отчитываюсь. Я прочиталъ уже все, что появилось замѣчательнаго въ нашей литературѣ впродолженіи этого времени. Теперь остались мнѣ одни журналы за нынѣшній годъ, и я наслаждаюсь ими, какъ самымъ утонченнымъ лакомствомъ».

Въ концѣ 1857 г. Шевченко возвратился въ Петербургъ. Писатели, художники, ученые, великороссы и малороссы встрѣтили его съ большимъ радушіемъ... Крѣпостной крестьянинъ-художникъ-солдатъ вошелъ въ моду. Но не жилось ему въ Петербургѣ, его тянуло въ Украйну, гдѣ жили еще въ крѣпостной зависимости его родные и гдѣ онъ мечталъ навсегда поселиться, построивъ себѣ хату и женившись. Еще на берегу Каспійскаго моря онъ почувствовалъ потребность успокоить въ семейной жизни свои надломленныя силы и—

Молилъ у Бога только хату,
Одну лишь хаточку въ лѣсу,
Да пару тополей съ ней рядомъ
Да безталанную...
...Оксаночку. Мы съ нею
Вдвоемъ смотрѣли-бы съ горы
На Днѣпръ широкій, на могилы...
Потомъ съ горы сошли-бы
И надъ Днѣпромъ въ лѣсу гуляли,
Пока міръ божій не заснетъ,
Пока съ вечернею зарей
Не встанетъ мѣсяцъ надъ горой;
Мы посмотрѣли-бъ, помолились
И въ хату ужинать пошли.

Съ приближеніемъ старости чувство безпомощной одиночества болѣе и болѣе начало давить Шевченка; онъ боялся, что—

Доведется одинокимъ
Въ холодной хатѣ кривобокой
Иль подъ заборомъ умереть.

Шевченко хотѣлъ непремѣнно жениться на крестьянкѣ, и когда цивилизованные друзья его подсмѣивались надъ этимъ, онъ отвѣчалъ: «я по плоти и по духу сынъ и братъ нашего

безталаннаго народа; какъ-же послѣ этого мнѣ соединить свою судьбу съ панской кровью? Да и что будетъ дѣлать пышная барышня въ моей мужицкой хатѣ?» Въ 1859 г. Шевченко былъ уже въ Малороссіи, но мало отраднаго встрѣтилъ онъ здѣсь. Его родные по-прежнему были еще помѣщичьими; Шевченко не могъ помочь имъ даже въ матеріальномъ отношеніи и, прощаясь съ своей любимой сестрой Ириной, былъ въ состояніи дать ей только 1 р. сер. Въ слѣдующемъ году, впрочемъ, его родные были выкуплены на волю при содѣйствіи литературнаго фонда. Вообще, въ Малороссіи поэту казалось въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже тяжелѣе, чѣмъ за Араломъ.

Но его все-таки тянуло сюда и онъ прискивалъ гдѣ-нибудь надъ Днѣпромъ мѣстечко для своего будущаго хутора. Въ то-же время ему приглянулась работница его дальняго родственника, и онъ началъ переговоры относительно женитьбы. Но она отказалась, такъ-какъ любила какого-то писаря. Шевченко уѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ вскорѣ-же вернуться и окончательно поселиться на родинѣ. Въ Петербургѣ онъ сошелся съ другою дѣвушкой, тоже малорусской крестьянкой, и уже были сдѣланы всѣ приготовленія къ свадьбѣ, но невѣста оказалась далеко не сокровищемъ, и Шевченко разошелся съ нею. Припадки хандры усилились. Когда Шевченку случалось бывать гдѣ-нибудь въ веселомъ обществѣ, гдѣ «горѣли огни, игралъ оркестръ», то чужое веселье обыкновенно нагоняло на него еще большую грусть:

„Вездѣ веселье, всѣ смѣются
И всѣ танцуютъ; только я
Веселья, радости боюсь
И горько, горько плачу я.
О чемъ-же плачу? Сердцу жутко,
Что бесполезно, словно шутка,
Минула молодость моя“.

Но не одна печаль по своей разбитой жизни грызла его сердце:

„И день идетъ, и ночь идетъ,
И, голову схвативши въ руки,
Дивуешься, зачѣмъ нейдетъ
Апостоль правды и науки!“

Онъ утѣшался только своими думами и посылалъ ихъ своей матери-Украинѣ:

Охъ, мои вы думы, думы,
Дорогія дѣти!

Я ростилъ васъ, на кого-же
Васъ покину въ свѣтѣ?
Пробирайтесь въ Украину,
Затаивъ кручину,
Подъ плетнями, сиротами...
Я-же—здѣсь загину.
Тамъ вы правду, тамъ вы сердце
Вѣрное найдете,
А, быть можетъ, и святую
Славу наживете...
Приласкай-же ихъ, Украина,
Милая сторона,
Неразумныхъ, какъ родного
Своего ребенка!

Онъ утѣшался и благороднымъ сознаниемъ своей честно прожитой жизни. Мы, говорилъ онъ своей *долѣ*,—
„Мы не лукавили съ тобою,
Мы прямо шли, и нѣтъ зерна
У насъ несправды за собою“.

Въ 1860 году Шевченко сдѣлалъ дополненное изданіе своего «Кобзаря», началъ сотрудничать въ «Основѣ» и принялся за составленіе популярныхъ книжекъ для малороссовъ. Онъ жилъ въ академіи художествъ и кромѣ художниковъ былъ очень близокъ со многими литераторами. Эти знакомства, конечно, были вполне полезны для него, но въ одномъ отношеніи они дѣйствовали на поэта губительно. Шевченко пилъ уже давно, но онъ могъ пить только съ другими, непьющіе друзья могли-бы нѣсколько сдерживать его страсть, а такія компаніи, какъ упомянутое общество *мочемордія*, доводили эту страсть его до крайности. Въ послѣднее свое пребываніе въ Петербургѣ Шевченко находился почти въ тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, какъ посреди малорусскихъ мочемордѣ. Пьянство достигало ужасающихъ размѣровъ и быстро разрушало физическія силы поэта. Въ началѣ 1861 года для Шевченка пріискали надъ Днѣпромъ клочекъ земли для постройки хутора, а 26 февраля онъ умеръ отъ водянки легкихъ, 47 лѣтъ отъ роду; тѣло его было перевезено туда, гдѣ онъ мечталъ поселиться, и погребено на высокомъ берегу Днѣпра, близъ гор. Канева, какъ онъ и желалъ этого въ своемъ поэтическомъ завѣщаніи,—

Какъ умру—пусть степь родная
Будетъ мнѣ могилой.
Вы меня похороните
На Украинѣ милой:

Чтобъ поля, и Днѣпръ, и берегъ
Дальній и зыбучій
Были видны, было слышно,
Какъ реветъ могучій...

Немногимъ счастливѣе былъ и Сырокомля. Правда, у него была хата, о которой напрасно мечталъ Шевченко. «Здѣсь», писалъ онъ,—

„Здѣсь дни мои текутъ спокойно,
Здѣсь хлѣба вдоволь и цвѣтовъ,
И вечеркомъ пріятель добрый
Потолковать со мной готовъ.
Средь яблонь, грушъ и дубовъ старыхъ
Отраднo въ этой мнѣ тиши.
Еще одно-бы только благо,
Одно спокойствіе души:
Чтобы мечтамъ моимъ крылатымъ
Разсудокъ воли не давалъ,
Чтобъ о всеобщемъ вѣчномъ счастьѣ,
Безумный, я не помышлялъ“.

Но вотъ одно изъ мечтаній поэта осуществляется: началось освобожденіе крестьянъ. Сырокомля былъ въ восторгѣ. Идеализируя шляхту, онъ воображалъ, что она встрѣтитъ освобожденіе съ радостью и сама поможетъ ему. Но паны остались панами, и поэтъ бросилъ имъ въ лицо полный негодованія упрекъ:

Я думалъ: напрасно враги такъ шумѣли,
Шляхетское имя порочили съ жаромъ;
Не нынче, такъ завтра увижу на дѣлѣ,
Что шляхтой донинѣ зовутъ насъ не даромъ.
Мы къ общему благу пылаемъ любовью,
Я знаю литовскую добрую братью
И вправѣ гордиться литовскою кровью,
Какъ шляхтичъ природный съ гербовой печатью.
Однако, свершилось, о, край мой! Измяли
Вѣнецъ твой, запачкавъ его преступленьемъ.
Отцы твои цѣпи народа спаяли,
Свои имена подписавъ подъ рѣшеньемъ
О панской опеке надъ бѣднымъ народомъ.
Историкъ за это предастъ ихъ проклятью...
Мнѣ стыдно за Вильно, не шляхтичъ я родомъ,
Позоръ мнѣ съ моею гербовой печатью!

Это стихотвореніе создало Кондратовичу много враговъ, злоба которыхъ преслѣдовала его даже до смерти —

И за дѣло! Кто-же спуститъ эту дерзость чудаку?
Приравнять задумалъ пана, и къ кому-же — къ мужику!..

Это горькое разочарованіе въ доблестяхъ шляхты доходило у Сырокомли до отчаянія, до ѣдкаго сарказма того помѣшаннаго, который у него, желая спать, распоряжается:

Тсъ! вы всѣ слышите? Меня долить дремота...
Да солнце загасить! Оно сегодня что-то
Ужь слишкомъ бьетъ въ глаза... О! если потушить
Оно не дастъ себя, — ну, голову обрить!
Такъ точно, какъ и мнѣ ее за то обрили,
Что слишкомъ ужъ людей лучи ея палили!..

Кондратовичъ пилъ такъ-же сильно, какъ Шевченко. Въ 1861 г., рассказываетъ Спасовичъ, «Кондратовичъ переселился въ Вильно съ ея уличнымъ шумомъ и гамомъ; къ нему начали ходить безпрестанно люди незнакомые и знакомые, которыхъ онъ любилъ, но хотѣлъ-бы держать подалеже отъ себя, такъ-какъ при его нуждѣ и страданіяхъ посѣтители лишали его даже послѣднихъ сигаръ. Поэтъ бѣдствовалъ цѣлую жизнь; *rare carere*, писалъ онъ Крашевскому еще въ 1854 г., будучи не въ силахъ содержать большое семейство. Отсюда необходимость писать и писать, запродажа издателямъ еще ненаписанныхъ, а только-что задуманныхъ сочиненій, и постоянная зависимость отъ жиждовъ. Знаменитый поэтъ часто не имѣлъ дровъ на истопку и занимался съ сальною свѣчкой. Къ нравственнымъ мукамъ присоединились физическія страданія, отнялись ноги, которыхъ не могли поправить ни Друкеники, ни Борстаны, обнаружилось разширеніе селезенки и печени, кровохарканье, сухотка и полное сознание приближающейся смерти. Одинъ только Гейне, можетъ быть, страдалъ безмѣрнѣе и дольше. Какъ у Гейне, такъ и у Сырокомли, пѣсня не остановилась, только предметомъ ея сдѣлалась самая болѣзнь, во время-же пріостановокъ страданія чародѣй-пѣвецъ обращался къ веселой, бодрой пѣснѣ, забавлялся добродушнѣйшими шутками, издѣвался надъ смертью, заливался неистовымъ и звонкимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, писалъ чудесную буфонаду «Овидій въ Полѣсьѣ», потѣшнѣйшимъ образомъ описывалъ свой погребъ, процесію четырехъ босыхъ дѣдовъ съ монахами-госпитальниками и органистомъ во главѣ, которые, раскачиваясь, завывали антифоны, неся трупъ поэта, парившаго въ облакахъ, писавшаго стихи и умершаго голодною смертію литератора послѣ того, какъ большую часть его стихотвореній изгрызли рецензенты. За этими сочиненіями слѣдовали такія, которыя были диктованы уже въ лихорадочной агоніи, какъ не-

оконченная повѣсть «Два образа», наконецъ, непонятное письмо къ Крашевскому, диктованное за часъ передъ смертью (въ сентябрь 1862 г.). Кондратовичъ буквально исполнилъ, что говорилъ: «умеръ, играя на лирѣ», только не среди полей, а среди городского шума и почти на мостовой. Къ Сырокомлѣ вполне приложимо то, что говорить о себѣ его странствующій гуслирь:

Чародѣйная лира, пусть не знаю я мира

И живу слезъ отравой.

Но въ тебѣ чту я силу, а сойду я въ могилу —

Ты моей будешь славой;

Поплывутъ твои звуки, будутъ знать ихъ и внуки,

И чужда имъ преграда,

Моя пѣсня иная долетитъ до Дуная

И до Кіева града,

И въ село, можетъ статься, будутъ въ окна стучаться

Пришлецы, узнавая:

„Гдѣ здѣсь спитъ подъ курганомъ нашъ пѣвецъ? Дорога намъ

Его пѣсня живая“.

И гостей съ пепелища поведутъ на кладбище

И подъ деревомъ старымъ

Скажутъ: „здѣсь легъ рабъ божій, нашъ гуслирь переходжій,

„Онъ всю жизнь былъ гуслиромъ!“

С. Шапковъ.